

Дмитрий КОЛИСНИЧЕНКО

«РУССКИЙ ДНЕВНИК» ДЖОНА СТЕЙНБЕКА: ПОЧЕМУ ПОЛУЧИЛОСЬ ВКУСНО, НО ПОВЕРХНОСТНО?

Джон Стейнбек всегда был в Советском Союзе своим — одним из любимейших писателей США. Способствовал этому в первую очередь роман «Гроздь гнева» (мое любимое произведение американской литературы). Перед началом Великой Отечественной войны его издавали в СССР сотысячными тиражами.

В США «Гроздь гнева» не только получил Пулитцеровскую премию, но и был включен в школьную программу.

После смены политических элит и прихода в Белый дом, вместо кабинета Франклина Рузвельта, администрации «ястребов» Гарри Трумэна изменилось и отношение к книге Джона Стейнбека: по завершении для США Второй мировой войны из гимна торжеству духа и трудолюбию американцев роман превратился в опасную «коммунистическую пропаганду».

Говоря о «Русском дневнике» Джона Стейнбека — его путевых заметках во время поездки по СССР вместе с фотографом Робертом Капой в 1947 году — нужно брать в расчет эти обстоятельства.

Несмотря на то, что до начала активной «охоты на красных» и маккартизма оставалось еще три года, антисоветская пропагандистская кампания в США уже набирала обороты.

Например, за несколько месяцев до начала описываемой поездки, в марте, Гарри Трумэн провозгласил свою внешнеполитическую доктрину, которая предусматривала поддержку Штатами Турции и Греции в «борьбе с мировым коммунизмом», а Болгария, Румыния и Польша объявлялись «жертвами советского тоталитаризма».

В США «Русский дневник» вышел в 1948 году — накануне создания в апреле 1949 года НАТО, при непосредственном участии все того же Гарри Трумэна. В новом

Дмитрий Александрович Колисниченко родился в Киеве в 1982 году. В 2007 году издал в «Кислороде» (Москва) роман «На струе»; в 2017 году издал в «Каяле» (Киев) повесть «Последний экспресс» (в соавторстве с Алексом Керви). Публиковал короткую прозу в журналах «Нева», «Урал» и Номо Legens. Критик «Литературной газеты».

военном альянсе американский президент видел в первую очередь «возможность остановить экспансию СССР в Европе».

Нет ничего удивительного и в том, что «Русский дневник» дошел до советского читателя лишь в перестроечные времена — сталинский период в истории страны получил у американца отнюдь не кровожадным. Впрочем, наверное, в 1980-е «Русский дневник» удачно лег в общую канву пропаганды.

Книга Джона Стейнбека получилась по объективным причинам неоднозначной (не без предвзятой критики — сервиса в самолетах и поездах, строгости чиновников, «культ личности») и в чем-то даже поверхностной, что делало ее отличным инструментом для манипуляций.

Американский писатель не только восторгался трудолюбием и открытостью советских людей, в какую бы точку огромной страны он ни приезжал. Джон Стейнбек все же писал о жизни в СССР как типичный американец, мало вникая в суть изменений, происходящих в нашей стране, а представляя своим читателям то, что их интересовало в первую очередь: что едят и пьют советские люди, во что одеваются, как танцуют и поют.

Не думаю, что замечательный американский писатель не мог написать о СССР и его людях лучше, глубже. Мог, но разве что в стол. И с большим риском попасть в список запрещенных авторов и похоронить себя как писателя вообще. В 1950-е годы в США это было проще простого.

Как известно, свои путевые заметки, оформленные позже в книгу, Джон Стейнбек публиковал в газете «New York Herald Tribune». Складывается впечатление, что «Русский дневник» писался не только с оглядкой на цензуру, но и с учетом интересов публики, которая его будет читать, поэтому текст получился максимально «удобоваримым».

Примечательно, что в книге автор сетует исключительно на советскую (вполне законную) цензуру. У путешественников возникает проблема: как вывезти записи и фотографии из СССР? При этом Джон Стейнбек не рассказывает читателям о том, как он собирает все это издавать в США и с какими сложностями, уже неофициальными, ему придется столкнуться при общении с американскими цензорами и издателями.

В начале книги Джон Стейнбек дает представление об отношении к СССР со стороны вполне образованных американцев, для которых он, собственно, и пишет:

Одна пожилая женщина сказала, и в голосе ее слышался ужас:

— Да ведь вы же пропадете без вести, пропадете без вести, как только пересечете границу!

Мы, в свою очередь, задали ей вопрос, в интересах репортерской точности:

— А вы знаете кого-нибудь из пропавших?

— Нет, — сказала она. — Я никого лично не знаю, но пропало уже много людей.

Тогда мы сказали:

— Возможно, это и правда, мы не знаем, но не можете ли вы назвать нам имя хотя бы одного из тех, кто пропал? Или хотя бы имя человека, лично знающего кого-то из Пропавших без вести?

Она ответила:

— Тысячи пропали.

Человек, многозначительно, с загадочным видом поднимавший брови, кстати, тот самый, который два года назад в Сторк Клубе выдал планы вторжения в Нормандию, сказал нам:

— Что же, у вас неплохие отношения с Кремлем, иначе бы вас в Россию не купили. Ясное дело — вас купили.

Мы ответили:

— Нет, насколько нам известно, нас не купили. Мы просто хотим сделать хороший репортаж.

<...>

Один пожилой мужчина кивнул нам и сказал:

— Вас будут пытать, вот что там с вами сделают. Просто посадят вас в какую-нибудь ужасную тюрьму и будут пытать. Будут руки выкручивать и морить голодом, пока вы не скажете то, что они хотят услышать.

Мы спросили:

— Почему? Зачем? Ради какой цели?

— Так они делают со всеми, — ответил он, — на днях я читал об этом Книгу.

А довольно важный бизнесмен посоветовал:

— Что, едете в Москву, да? Захватите с собой парочку бомб и сбросьте на этих красных сволочей.

К сожалению, в «Русском дневнике» уже маститый автор зачастую напоминает своих же героев из романа «Гроздья гнева». Молодых американцев в романе интересуют сугубо материальные вещи — как найти работу, пропитание, а потом, когда появятся «лишние деньги», — выпивку, танцы и девочек.

В «Гроздьях гнева» Джон Стейнбек предлагает своему читателю критический взгляд не только на этот всеобщий, национальный материализм, но и на сам капитализм в целом.

В «Русском дневнике» же писатель, сознательно включая режим самоцензуры, в угоду читателям, буквально упивается именно материальной стороной жизни в СССР — красотой наших девушек, вкусом холодной водки с икрой. Дескать, посмотрите: советские люди, как и американцы, пьют, любят танцы и девочек!

В начале своего повествования Джон Стейнбек корректно подчеркивал, что «Русский дневник» — это «не заметки о России, — это заметки о нашем путешествии по России».

Думается, «Русский дневник» непосредственно для советского читателя вряд ли представлял большой интерес. Тогда еще не было модным забивать голову тем, что думают о нас на Западе. Во всяком случае, у простых советских граждан, обычных читателей. Тем более, как я уже говорил, «Русский дневник» все же вышел поверхностным.

Во-первых, это было обусловлено двойной цензурой: законной советской, о которой знал и на которую «подписывался» писатель у нас, и негласной — в США.

Во-вторых, сам автор сознательно пошел на подобный шаг, понимая, что иначе, учитывая политические реалии в США, объявивших устами Гарри Трумэна СССР «холодную войну», на родине не только не пропустят «лишнюю информацию» — она может стать убийственной для писательской и журналистской карьеры самого Джона Стейнбека.

Он не мог не осознавать этого, поэтому и не стал копать глубже, а ограничился тем, что донес до американских читателей преимущественно бытовые, дорожные и гастрономические истории из СССР.

Одним из городов, которые посетили американцы, был Киев. Джон Стейнбек так описывает послевоенный город:

Наверное, когда-то город был очень красив. Он намного старше Москвы. Это-прародитель русских городов. Расположенный на холме у Днепра, Киев простирается вниз в долину. Некоторые из его монастырей, крепостей и церквей построены в XI веке. Некогда это было любимое место отдыха русских царей, и здесь находились их дворцы. Его общественные здания были известны по всей России. Киев был центром религии. А сейчас Киев почти весь в руинах. Здесь немцы показали, на что они способны. Все учреждения, все библиотеки, все театры, даже цирк — все разрушено, и не орудийным огнем, не в сражении, а огнем и взрывчаткой. Университет

сожжен и разрушен, школы в руинах. Это было не сражение, а безумное уничтожение всех культурных заведений города и почти всех красивых зданий, которые были построены за последнюю тысячу лет. Здесь хорошо поработала немецкая культура. Одна из маленьких побед справедливости заключается в том, что немецкие заключенные помогают расчищать эти руины.

По-американски Джон Стейнбек оценивает украинских женщин:

Я смотрел на женщин, которые шли по улице, как танцовщицы. У них легкая походка и красивая осанка. Многие из них прелестны.

Интересны геополитические замечания Джона Стейнбека:

Местное население часто страдало из-за того, что украинская земля так богата и плодородна, — множество захватчиков тянулось к ней. Представьте себе территорию Соединенных Штатов, полностью разрушенную от Нью-Йорка до Канзаса, и получится приблизительно район Украины, подвергшийся разорению...

И тут же отмечает самоотверженный труд людей:

Здесь есть шахты, которые никогда не откроются снова, потому что немцы сбросили туда тысячи людей. Все промышленное оборудование на Украине было разрушено или вывезено, и теперь, пока не будет поставлено новое, все производится вручную. Каждый камень и кирпич разрушенного города надо поднять и перенести вручную, поскольку нет бульдозеров. Но пока ведутся восстановительные работы, украинцы должны еще производить продукты питания, потому что Украина является главной житницей страны. Они говорят, что в период уборки урожая нет выходов, а теперь как раз время уборки. На фермах не существует ни воскресений, ни отгулов.

Работа, которая им предстоит, огромна. Здания, которые надо отстроить заново, сначала необходимо снести. А то, что бульдозер расчистил бы за несколько дней, вручную можно сделать только за недели. Но бульдозеров пока нет. Все необходимо заменить. И сделать это нужно быстро. Мы прошли через разрушенный и уничтоженный центр города, на то место, где после войны были повешены немецкие садисты. В музее есть планы нового города. Мы все отчетливее осознавали, как жизненно важна для советского народа надежда на то, что завтра будет лучше, чем сегодня. Здесь в белом гипсе была изготовлена модель нового города. Должен вырасти грандиозный, невероятный город, из белого мрамора, в классических линиях, с высокими зданиями, колоннами, куполами, арками, гигантскими мемориалами — все в белом мраморе.

Подобные описания легко найдут и современного читателя — они не обременительны, не политизированы и вкусны во всех отношениях.

Пожалуй, одним из самых интересных эпизодов «Русского дневника» стало описание посещения колхоза «Шевченко-1» под Киевом:

Колхоз «Шевченко-1» никогда не относился к числу лучших, потому что земля имел не самые хорошие, но до войны это была вполне зажиточная деревня с тремястами шестьюдесятью двумя домами, где жило 362 семьи. В общем, дела у них шли хорошо. После немцев в деревне осталось восемь домов, и даже у этих были сожжены крыши. Людей разбросало, многие из них погибли, мужчины ушли партизанами в леса, и одному богу известно, как дети сами о себе заботились. Но после войны народ возвратился в деревню. Вырастали новые дома, а поскольку была убо-

рочная пора, дома строили до работы и после, даже ночами при свете фонарей. Чтобы построить свои маленькие домики, мужчины и женщины работали вместе.

Джон Стейнбек опровергает пропагандистские заокеанские шаблоны:

Нас всегда убеждали, что в колхозах люди живут в бараках. Это неправда. У каждой семьи есть свой дом, сад, цветник, большой огород и пасека. Площадь такого участка около акра. Поскольку немцы вырубали все фруктовые деревья, были посажены молодые яблони, груши и вишни.<...> Село потеряло на войне пятьдесят военнообязанных, пятьдесят человек разных возрастов, здесь было много калек и инвалидов. У некоторых детей не было ног, другие потеряли зрение. И село, которое так отчаянно нуждалось в рабочих руках, старалось каждому человеку найти посильную для него работу. Инвалиды, которые хоть что-то могли делать, получили работу и почувствовали себя нужными, участвуя в жизни колхоза, поэтому неврастеников среди них было не много.

А вот как американский писатель описывает украинское застолье:

Наконец нас пригласили к столу. Украинский борщ, до того сытный, что им можно было наесться. Яичница с ветчиной, свежие помидоры и огурцы, нарезанный лук и горячие плоские ржаные лепешки с медом, фрукты, колбасы — все это поставили на стол сразу. Хозяин налил в стаканы водку с перцем — водка, которая настаивалась на горошках черного перца и переняла его аромат. Потом он позвал к столу жену и двух невесток — вдов его погибших сыновей. Каждой он протянул стакан водки.

Мать семейства произнесла тост первой. Она сказала:

— Пусть бог ниспошлет вам добро.

И мы все выпили за это. Мы наелись до отвала, и все было очень вкусно.

Теперь наш хозяин провозгласил тост, который мы уже слышали очень много раз, — это был тост за мир во всем мире. Странно, но нам редко удавалось услышать более интимные, частные тосты. Чаще звучали тосты за нечто более общее и грандиозное, чем за будущее какого-то отдельного человека. Мы предложили выпить за здоровье членов семьи и процветание колхоза. А крупный мужчина в конце стола встал и выпил за память Франклина Д. Рузвельта...

Безусловно, даже в таком несколько рафинированном виде «Русский дневник» Джона Стейнбека был важным и позитивным событием для США, однако объективно не мог дать тот импульс, которого, возможно, хотел добиться автор, но по-американски благоразумно воздержался от опасного риска.

Несмотря на то, что Джон Стейнбек попытался показать американским читателям Советский Союз и его граждан такими же людьми, как его соотечественники, а знает — братьями, что, учитывая статус автора, должно было благоприятно повлиять на общественное мнение в США, все получилось с точностью наоборот.

«Русский дневник» хоть и был издан, но не дошел до широкого читателя, через два года в стране началась эпоха маккартизма, а сам Джон Стейнбек решил сделать шаг назад и взялся за безопасную в таких условиях историческую прозу, завершив карьеру большого американского писателя.